

УДК 94

**ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ:
ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
ВО ФРОНТОВЫХ ПИСЬМАХ**

А. Н. ТАЛЬЦЕВ

**PERSON IN THE WAR:
MILITARY DAILY OCCURRENCE
IN FRONT LETTERS**

A. N. TALTSEV

© 2017 г., Александр Николаевич Тальцев – соискатель кафедры теории и истории социальной работы
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова», г. Владикавказ,
e-mail: sasha.sbe@gmail.com

В статье на основе писем с фронтов Великой Отечественной войны анализируется повседневность и мироощущения человека на войне. Автор отмечает, что изучение моделей поведения человека в ходе военных действий, мотивов, ценностей, представлений, образа войны в массовом сознании представляет большую важность для воссоздания не просто событийной истории войны, но истории, наполненной конкретными, «живыми» людьми – участниками событий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, письма с фронта, военная повседневность, историческая антропология войны, вещевое снабжение, обеспечение армии.

In this article, based on an analysis of letters from the fronts of the great patriotic war is given daily and analyzed the experiences in war. The author notes that the study of human behaviour in the course of military actions, motives, values, perceptions, the image war in mass consciousness, is of great significance for the re-establishment not just event history of war, but history, filled with concrete, live people party events.

Key words: The great patriotic war, letters from the front, the military daily, historical anthropology of war, supply procurement, army.

Поступила в редакцию 24.01.2017 г.

Сдана в печать 31.01.2017 г.

С каждым годом все более отдаляются от нас события Великой Отечественной войны. Уходят из жизни последние ее участники, люди, пережившие войну. Но вместе с ними не должна уходить память об этих днях в нашей истории. Без живых воспоминаний все сложнее понять сегодняшнему и будущим поколениям цену той победы, которую одержала наша страна в целом и каждый ее житель, в частности. Как справедливо отмечает профессор А. А. Магомедов, в обеспечение победы внес неопределимый вклад многонациональный народ нашего государства [12: 10]. Это особо актуально «для региональной истории народов России, испокон веков зарекомендовавших себя ее верными сынами и не раз доказывающих это на полях сражений», на что обращает внимание профессор С. Р. Чеджемов [16: 1828].

Письма военных лет – одно из немногих свидетельств, говорящее с нами из прошлого, где мы слышим голоса людей, многих из которых уже давно нет с нами. Они, как и воспоминания, несут в себе глубокий личностный оттенок, читая их, невозможно не проникнуться чувствами писавше-

го их человека: тоской по дому, страхом и болью, верой в победу.

«Человек на войне», военно-историческая антропология Великой Отечественной войны – одно из новых исследовательских полей современной исторической науки. Как справедливо отмечает Е. А. Сенявская, ведущий российский исследователь в этой области, в отличие от истории военного искусства, техники, событийной истории войны, вопросов агитации и пропаганды, политико-воспитательной работы в войсках, история реальной личности на войне почти не нашла отражения в трудах психологов, социологов, представителей других научных дисциплин [1: 4]. И на сегодняшний день в отечественной историографии работы по исторической антропологии Великой Отечественной войны – явление редкое, почти единичное.

Между тем изучение моделей поведения человека в ходе военных действий, мотивов, ценностей, представлений, образа войны в массовом сознании, реконструкция отдельных аспектов повседневной жизни – ратного труда и отдыха,

праздника и будней, исследование психологических явлений и феноменов на войне, особенностей психологии рядового и командного состава армии, а также военнослужащих отдельных родов войск и военных профессий, – все это представляет большую важность для воссоздания не просто событийной истории войны, но истории, наполненной конкретными, «живыми» людьми – участниками событий.

Среди источников изучения военной повседневности Великой Отечественной войны важнейшее место занимают документы личного происхождения – воспоминания, мемуары, письма, дневники, письма. И если воспоминания и мемуары создаются их участниками (или записываются исследователями) уже после окончания событий, когда в сознании ветерана вольно или невольно происходит осмысление прошлого, его оценка, то ценность дневников и писем в том, что они пишутся, как правило, в ходе самих событий – в окопе, блиндаже, на привале, в свободную от боя минуту. В этих документах больше искренности, ощущения текущего момента, который для каждого может стать последним.

В отличие от дневников, которых сохранилось немного, ввиду прямого запрета на ведение дневников во время войны, фронтовые письма – документы, тщательно хранимые почти в каждой советской семье, ведь для некоторых письмо, фронтовая фотокарточка – единственное, что осталось на память от погибшего сына, мужа или отца. В 1960–1970-е гг., когда память о войне стала стираться, советскими архивистами были собраны целые коллекции фронтовых писем, отложившиеся сейчас во многих местных архивах и музеях. Эта работа продолжается и сейчас [17: 8].

Определенная традиция работы с эпистолярными источниками времени Великой Отечественной войны в российской историографии сложилась в трудах Б. И. Жучкова, В. А. Кондратьева, П. С. Соломатина, И. Ю. Моисеевой и др. [2: 55–59; 3; 4]. В них проанализировано содержание фронтового письма как массового документа. Доктор исторических наук Л. Н. Пушкарев, сам прошедший войну от рядового до сержанта, изучил формы бытования фольклора на фронте, в том числе и во фронтовых письмах, а также исследовал возможности писем как источников для изучения психологии поведения человека на войне [5]. Автор обстоятельного современного исследования фронтовых писем с точки зрения методологии новой локальной истории – Т. А. Булыгина – отмечает малоизученность и ценность фронтовых писем как источника повседневности в годы войны [6].

Несмотря на немалый интерес к теме, возможности фронтовых писем как богатейшего материала военной повседневности неисчерпаемы, так как фронтовых писем сохранилось великое множество, и каждый год архивные и музейные коллекции пополняются. В нашем очерке мы остановимся на коллекции писем как опубликованных [7; 8; 9], так и неопубликованных, материалов Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), собранных преимущественно в фонде Р-1060 – «Коллекция документов по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Материалы данной коллекции, содержащие около сотни писем жителей Ставрополя, позволяют представить основные структуры военной повседневности тех лет.

Великая Отечественная война стала потрясением для многих советских людей, изменив их уклад жизни, занятия, привычные ценности. Ушли на фронт тысячи людей обоего пола различных возрастов и национальностей, и единственной связующей нитью с родным домом для них стали письма, изредка – посылки. Солдатские треугольники – серые, с выгоревшими чернилами, некоторые написанные карандашом, некоторые – на открытках с изображением пропагандистских плакатов. На обратной стороне письма красная печать «Пропущено цензурой». Для родных, оставшихся в тылу, письма с фронта также стали практически единственным источником информации о жизни и здоровье ушедшего на фронт члена семьи, реже – о событиях на фронте. Поэтому и начинаются почти все фронтовые письма стандартными строчками: «Здравствуй, мои дорогие... Я пока жив и здоров, чего и вам желаю!» [10: 9:1].

По обращению в начале письма можно догадаться о возрасте, социальном положении автора: люди старшего возраста, чаще – жители села обращаются к жене, матери на «Вы», по имени-отчеству. Молодежь, особенно городская, испытывает меньший пиетет к родителям, к жене и обращается просто: «Дорогая мамочка!» – так начинаются, например, многие письма Л. Ф. Мухачева, Л. Г. Буняевой и других, ушедших на фронт совсем молодыми [8: 389]. «Милейшая Маша!» – обращается к жене в письмах Н. В. Гольяпин [7: 103]. «Здравствуй, милая моя и котятка Витуся, Ларуся и Надечка!» [7: 120] – пишет жене и детям И. А. Гетман. «Шлю вам пламенный большевистский привет с фронта!» [7: 117] – в письме Б. Л. Рачинского родителям.

По событийному содержанию письма с фронта малоинформативны. Здесь редко встречаются название конкретных географических местностей, условий боя или описания конкретных действий,

так как, видимо, такие упоминания не пропускала военная цензура. Кроме того, существовала и другая многим понятная причина: фронтовики не хотели волновать близких, описывая какие-либо конкретные боевые ситуации, да и часто не хотелось их вспоминать. Так, Н. В. Гольпяпин пишет жене: «Муся, ты просишь меня написать что-нибудь о себе. Что можно писать сейчас, когда борьба продолжается? Вся моя жизнь, каждый день проходят по-обычному. И делать приходится все, что требуется от коммуниста на фронте... Война – это не игра в нее. Всякое бывает». И в другом письме «Описывать все не позволяют условия. Коротко говоря, все делается, как на войне [7: 104].

А как на войне? Тяжело, и страшно, и холодно, и не всегда сыто. Но адресанты этого стараются не писать, и причин здесь нам видится несколько: это и нежелание волновать близких, и элементы некоторой «бравда», особенно в письмах молодых людей, и идеологические соображения, потому что все письма читались цензурой, и потому, что за долгие месяцы войны окопная жизнь стала настолько привычной, повседневной, что мелкие трудности почти не замечались перед лицом более серьезных испытаний. Например, Н. И. Касьянов пишет своим родителям в Невинномысск в 1942 г.: «Я находиться на фронте привык, и так себя чувствую, как дома, когда нет перестрелки» [10: 9: 1]. Однако в каждом письме чувствуется тоска по дому и редко, но, встречаются, например, такие строки: «Дорогие папа и мама, – пишет И. Ф. Дровалев 20 января 1944 г., – ...я удивляюсь, что сам рыжий, а уже волосы на голове седые, каких-то мне двадцать лет, и мне чудно, а это, конечно, война» [10: 36: 20].

Читая фронтовые письма, создается впечатление, что военнослужащие иногда намеренно, чтобы успокоить близких, «приукрашивают» свою фронтовую жизнь, рассказывая, что они отлично питаются, всегда тепло одеты и обуты, идут в бой с хорошим настроением. Например, Борис Рачинский пишет родителям в г. Ставрополь, что «Одевают нас очень тепло, лучше быть не может, кормят прекрасно». И в другом письме, от 28 декабря 1941 г.: «Морозы достигают 30 градусов и больше. Но нам на это наплевать. Одеты в полушубки, валенки, ватные штаны, а вот немцу все время приходится фокстрот танцевать...» [7: 118]. И. А. Гетман в письме родным в марте 1942 г. упоминает: «У вас, наверное, тепло, а у нас еще 30–40 градусов мороза. Но ничего. У меня валенки, полушубок, шапка хорошая» [7: 121].

Анализ официальных документов периода Великой Отечественной вместе показывает, что снабжение вещевым имуществом, особенно в пер-

вые два года войны, было недостаточным. Из-за стремительного наступления противника большое количество вещевого имущества было потеряно в первые же месяцы войны. Потери в Западном и Киевском особых военных округах составили 50–60% от имевшегося в наличии НЗ, в Прибалтийском особом военном округе в тыл страны почти ничего не вывезли. В целом страна лишилась имущества на сумму 150,8 млн рублей [11]. Для изготовления утерянного обмундирования и пошива нового требовалось большое количество предприятий легкой промышленности, а также необходимое сырье, которых стране катастрофически не хватало. поголовье скота в количестве 40% было потеряно в результате немецкой оккупации западных регионов страны. На оккупированной территории оказалось 50% посевов льна [13: 132]. Только во второй половине 1942 г. эвакуированные в восточные районы предприятия были введены в строй.

Лишь к зиме 1942 г. стране удалось тепло «одеть» военнослужащих и даже, судя по официальным сводкам, создать некий запас обмундирования. Фронты снабжались телогрейками и ватными шароварами, полушубками, валенками, меховыми рукавицами по особым нормам, утврждаемым ежегодно. Военнослужащие женщины с начала войны обеспечивались по временной норме [14: 136]. В 1942 г. управления вещевого и обозно-хозяйственного снабжения лучше подготовились к сезонной смене имущества: фронты и военные округа были прикреплены на довольствие к складам по направлениям (северное, центральное и южное). Большую помощь оказывали и жители, находящиеся в тылу, посылая на фронт теплые вязаные вещи, ремонтируя летом полушубки, жилеты, телогрейки и рубахи, свитеры, шапки-ушанки, подшлемники, маскировочные халаты и костюмы и т. д. Отправка теплых вещей фронтам в 1942 г. началась заблаговременно. Видимо, именно об этом предстоящем обмундировании осенью 1942 г. упоминает в письме родителям Лев Мухачев: «Скоро нас обмундируют. Дают ватные брюки, тужурки, портянки, шапки... Не мешало бы иметь шерстяной свитер, шарф и носки, меховые варежки» [8: 393].

Не менее сложной была и проблема обеспечения питания на фронте. В условиях войны произошло резкое сокращение сельскохозяйственной продукции, ежегодно поставляемой государству. Тот факт, что наиболее плодородные районы находились в оккупации, а также нехватка железных дорог, автомобильного транспорта для подвоза как вооружения, так и питания, – все это осложняло продовольственное обеспечение Красной

Армии. В статичные периоды советские войска обеспечивались продуктами питания вовремя и в достаточной степени. Однако в периоды слишком быстрого наступления тылы отставали, и ощущалась нехватка продуктов [15: 394].

Проблема питания армии в ходе Великой Отечественной решалась за счет уменьшения рациона гражданского населения, находящегося в тылу, где уже в начале войны было введено нормирование снабжения продовольствием (карточная система), усилена уголовная ответственность за хищения продуктов питания. Распоряжением Совета народных комиссаров от 4 июля 1942 г. в каждой армии и во фронтах были сформированы штатные заготовительные группы с задачей организации заготовок картофеля, овощей и сена. Органы тыла фронтов изыскивали всевозможные резервы, в том числе и местные ресурсы, для снабжения соединений и частей, постоянно обеспечивали войска продовольствием и организовывали питание личного состава [14: 126–127].

В результате разделения военнослужащих на четыре категории постановлением ГКО № 662сс от 12 сентября 1941 г., ежедневный рацион боевых частей Красной Армии состоял из 800–900 г ржаного хлеба, 150 г мяса, 140 г разных круп, 100 г рыбы, 30 г животных жиров, 35 г сахара, 500 г картофеля, 320 г овощей, 30 г соли. Калорийность пайка составляла 3547 калорий зимой и 3357 калорий летом, это на целую тысячу калорий больше положенного по норме снабжения рабочим и колхозникам из гражданского населения. Военнослужащим Красной Армии, находящимся на передовой, согласно постановлению ГКО № 562с от 22.08.1941 г., выделялась водка по 100 г в день на человека [15: 90].

В письмах с фронта мы встречаем очень оптимистичное описание рациона. Так, Лев Мухачев пишет в октябре 1942 г.: «Питание сверхотличное. Кушаем сало свиное, бекон, мясные, рыбные консервы. Часто получаем английские и американские консервы (мясные). Консервы очень хорошие, вы такие не кушали. Овощи: капуста, свекла, морковь, картошка. Жиры – английский жир, комбижир, маргуселин, сливочное масло. Думаете, я обманываю..! Да? Нет, это правда, нас, фронтовиков, так и кормят, это вам – норма, а нам – от пуза. Видите, как нас любит страна» [8: 392]. Н. И. Касьянов пишет родителям в 1941 г.: «Кормят 3 раза в день, сейчас только пообедал: гороховый суп, концентрат, на ужин жареная рыба и чай...» [10: 9: 1]. Борис Рачинский замечает: «Кормят нас прекрасно, но все-таки хотелось бы покушать чего-нибудь сделанного руками мамы...коржиков или самодельных булочек» [7: 118].

Безусловно, по сравнению со снабжением гражданского населения, особенно осажденных, оккупированных территорий, фронтовиков старались кормить более-менее питательно, ведь от боеспособности солдат и офицерского состава зависел исход боя. Многие военнослужащие, переживая за оставленные или отправленные в эвакуацию семьи, пересылали деньги семье на пропитание. Так, В. И. Болотин пишет родным в с. Казьминское Ставропольского края с просьбой выяснить, получила ли его жена деньги: «В 1941 г. я выслал аттестат на сумму 450 рублей (на имя жены Нади. – А. Т.). По этому аттестату она должна была получать каждый месяц указанную сумму...» [10: 36: 6]. Другой адресант (имя не сохранилось) пишет брату в марте 1945 г.: «Деньги на руки не получаю, а с ведомости пересылаю все домой, часть получаю здесь нерусскими деньгами... Домой я послал посылку весом 5 кг. Купил кое-что с мануфактуры» [10: 19: 18].

Забота, тревога об оставленных в тылу близких людей звучит почти в каждом письме. Есть целый ряд писем фронтовиков, обращенных не к родным, а в различные инстанции с просьбой одеть, накормить, освободить от тяжелой работы членов их семей. В этих письмах – боль и отчаяние от того, что муж, отец или сын находятся далеко и не могут позаботиться о своей семье, а государство заботиться обещало, но по какой-то причине «забыло» семью фронтовика. Так, в Ставропольском архиве сохранились многочисленные письма на имя директора свиновхоза «Коммунар» Молотовского района Ставропольского края А. М. Гусева. И. Ф. Иванов просит помочь своей семье дровами: «Мне Маруся пишет, что она больше месяца проболела, квартира к зиме не подготовлена, топлива нет нисколько...» [10: 15: 18]. М. И. Мосель пишет, что его жена Мария, вынужденная ухаживать за больной престарелой матерью и двумя маленькими дочками – трехлетней и годовалой – не может далее выполнять тяжелую работу в совхозе и просит освободить ее от работы либо перевести на другую, менее загруженную [10: 16: 19]. В длинном письме И. С. Уварова мы наблюдаем трагедию: «жена весной этого года променяла телка на сено с тем, чтобы можно было продержаться до пастбища... Если бы она не сделала это – лишилась бы коровы, единственного источника питания». Сено у жены отобрали, так как телка необходимо было сдать государству. Фронтовик взывает к справедливости, обращается к совести директора совхоза: «забота о живом человеке всегда была у вас в крови» и просит вернуть жене сено, а также «оказать всемерную помощь в улучшении бытовых условий» [10: 16: 21].

Письмо – глубоко личный документ. Но, несмотря на то, что письма с фронта писались совершенно разными людьми по возрасту, социальному происхождению, образованию, желание поскорее победить врага, побить «проклятую фашистскую гадину», надежда на победу и скорую встречу есть в каждом письме. На войне, как известно, обостряются все чувства, человек начинает по-иному смотреть на себя и на окружающую действительность, для него раскрывается смысл его «подлинного» существования. Е. С. Сенявская считает, что для характеристики жизни человека на войне применим экзистенциальный термин «пограничная ситуация» – такое состояние, когда становятся обыденными вещи, которые в мирной жизни такими не являются, например, смерть, насилие, убийство. И наоборот: редкие в мирное время героизм, готовность к самопожертвованию – превращаются на войне в явление обыденное, массовое [1: 10–11].

В письмах с фронта то и дело встречается: «только вышли из боя», «вели налеты на тылы противника», прорыв на ... направлении», «был ранен осколком снаряда», совершенно буднично и обыденно упоминается об успехах: «меня представили к награде за боевые заслуги», «фашист драпает», «уже 8 дней прошло, как Эссентуки освобождены». Также обыденно, но от этого особенно драматично изредка упоминается о смерти товарищей, однополчан. Все мечты, все помыслы воюющих на фронте людей – об окончании войны, о победе. «Я уже перенес 3 ранения, контузию, но думаю еще дойти до Берлина самого, чтобы выручить миллионы наших рабов из плена», – пишет брату неизвестный адресант [10: 19: 18]. «Чем больше успехи, ... тем ближе конец войны. Кто не мечтает об этом? Каждый ждет с нетерпением конца войны. Многие вернутся с фронта домой, встретятся со своими родными, близкими, знако-

мыми, расскажут о своем боевом пути... Пока все чувства у нас в сердцах, и горим мы стремлением скорее добить врага. Это единственное открытое чувство, им и делимся друг с другом...» [10: 16: 21], – пишет А. Домбровский из Чехословакии в апреле 1945 г.

Не всем адресантам удалось дожить до победы. И некоторые письма приходили уже тогда, когда человека, писавшего их, не было в живых. Как в стихотворении К. Симонова: «Уж ничего не сделать тут. /Письмо медлительнее пули. /К вам письма в сентябре придут, /А он убит еще в июле». В некоторых письмах прожита короткая, но насыщенная событиями жизнь человека. Четыре долгих года писал родителям письма с фронта Лев Мухачев, излагая на бумаге свою жизнь, мечты, желания, которым не суждено было сбыться – он умер после тяжелого ранения под Вильнюсом в 1944 г. [8: 481]. В письмах – конкретные человеческие судьбы, повседневные горести и радости. За четыре года переписки Н. В. Гольяпина с женой у него успели родиться вскоре после его отправки на фронт сыновья-близнецы Боря и Толя, подрасти, и даже научились «писать» отцу письма. В последнем письме, посланном в мае 1945 г. из Берлина, Н. В. Гольяпин хвалит Борю за посланные в письме рисунки [7: 103–107].

Фронтные письма – документы огромной силы, их читали всей семьей, всей станицей, письма и фотокарточки хранили на видном месте, постоянно перечитывали, вспоминая родного человека. А для бойца на фронте от письма и до письма проходила жизнь, «жизнь в землянках, в блиндажах, жизнь возле маленьких железных печурок, в которых топились только ночью, да в туманные дни, жизнь в дыму и тревоге... жизнь в тихой мечтательности и вздохами за родным домом и крепким табачком» [10: 103: 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт истории РАН, 1997.
2. Жучков Б. И., Кондратьев В. А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. № 4.
3. Соломатин П. С. Фронтные письма и корреспонденции в газету «Правда». 1941–1945 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 75.
4. Моисеева И. Ю. «Человек на войне» в солдатских письмах (по материалам фронтных писем 1941–45 гг.) // Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории: материалы Всероссийской научно-практич. конф., 14–15 мая 2002 г. Омск, 2002.
5. Пушкарев Л. Н. Юмор на фронте (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика). Сайт «Я помню. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны». Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/drugie-voyska/pushkarev-lev-nikitich/>.
6. Булыгина Т. А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в документах и исследованиях. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005.
7. Огненные строки: Письма с фронта и на фронт. 1941–1945 гг. Ставрополь: Книжное издательство, 1975.

8. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / под ред. Т. А. Булыгиной. Ставрополь: СГУ, 2005.
9. Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1941–1964 годах. Ставрополь, 2011.
10. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 1060. Оп. 1.
11. *Насонов К. А.* Вещевое обеспечение военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2011. № 7. Режим доступа: <http://history.milportal.ru/>.
12. *Магомедов А. А.* Победу ковало и население республики // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2010. № 1. С. 9–24.
13. *Моисеев С. И.* Организация тылового обеспечения войск Красной Армии в Сталинградской битве (1942–1943 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2016.
14. Тыл советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1977.
15. *Кольга Г. И.* Военная повседневность: продовольственное обеспечение Красной Армии и германского Вермахта в ходе Второй мировой войны: сравнительный анализ // Научные ведомости БелГУ. 2010. № 19(90). Вып. 16.
16. *Чеджемов С. Р.* Кавказ для России: фронт или союзник? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. С. 1828–1832.
17. *Магомедов А. А., Кодзаев Т. Б., Чеджемов С. Р.* Педагогика сегодня. Владикавказ, 1994. С. 8.